Текст · 19 января 2023, 08:28
Дмитрий Швец,

«Было ощущение, что я элемент инородный». Правозащитница Анна Каретникова — о своем опыте работы во ФСИН и отъезде из России

Правозащитница Анна Каретникова после восьми лет в Общественной наблюдательной комиссии Москвы в 2016 году перешла на работу в столичное управление ФСИН, где получила должность главного аналитика — в других регионах таких вакансий нет. В течение пяти лет она посещала московские следственные изоляторы, но в январе вынужденно уехала из России, опасаясь уголовного преследования. Находясь в безопасности, Каретникова рассказала «Медиазоне» о работе одной из самых закрытых силовых структур.

Отъезд из России

Я уехала, потому что я была 10 января предупреждена о том, что в связи с моей деятельностью меня ожидают большие неприятности, что важные люди во ФСИН мной недовольны и что меня ожидает много общения в УСБ[1], прокуратуре и где-то там еще.

И на следующий день меня действительно вызвали в УСБ, опросили, явно пытаясь как-то вывести на превышение должностных полномочий. Претензия была в том, что я благотворительно собирала или сама приносила тетрадки и ручки для арестованных, чтобы они могли писать заявления, очки, чтобы они могли читать, и почему-то нитки. Про очки

сказали: «А вдруг ими кто-нибудь порежется?». И ты понимаешь, что уже тяжкие последствия налицо — вот и состав. Это мы все весело обсудили.

И еще на следующий день меня отстранили от работы, и я уже не могла пойти в следственный изолятор. Там не было никакой формулировки, с которой отстранили, я отправила своему руководителю вопрос: «Если я отстранена, что я должна делать?». Он сказал, что мне надо приехать в управление и это обсудить. И я поняла, что, в общем, чего мне обсуждать? Мне лично все и так уже было достаточно понятно. И поэтому я решила не дразнить гусей, потому что у нас от работы просто так не отстраняют.

И меня предупреждали сотрудники, что их заставляют за мной следить, что если мы что-то даем, они должны фиксировать. Но, к чести моих коллег, они, наоборот, мне помогали. Они говорили: «Слушай, не подставляйся, отдавай это нам, мы сейчас сами это все передадим, это правда нужно, а главное — мы по закону обязаны это давать».

И поэтому я в тот же день приняла решение уехать — и уехала. Потом я уже поняла, что если бы меня не отстраняли, я бы никуда не уехала, я бы так и продолжала тупо ходить в эту тюрьму, и сжималось бы это кольцо.

Распространялись ли на меня ограничения на выезд за границу — не знаю, во-первых, я гражданский сотрудник, несмотря на то, что с довольно большими полномочиями. По крайней мере меня никто и никогда об этом не предупреждал. А благодаря тому,

что виза у меня была, я уехала в Белоруссию, потом в Литву, потом дальше [во Францию].

Есть ли уголовное дело и в каком оно статусе, тоже не знаю, у меня нет инсайдов в федеральной службе сейчас, уже сменилось три команды с тех пор, как меня взяли на работу. Но явно это что-то из оперативного управления ФСИН, от кого-то из замов идет. Основная претензия ко мне была, что я блог веду, хотя он носит скорее комплиментарный характер.

Было специальное указание оперуправления, что моя книга «Маршрут» для тюрьмы является запрещенной. А она очень ценится. Ну, это уже тоже был такой звоночек, но я вроде как не обратила на него внимания. Ну, дураки, они сами меня превратили в легенду, потому что книга-то в тюрьме все равно есть и передается из рук в руки.

Как менялась ФСИН

Во ФСИН меня позвали в 2016 году, позвонили по телефону, сказали: «У вас есть достаточно богатый опыт и знания в нашей области и опыт освещения проблем». Тогда-то это считалось нормальным. Я сказала да, особо не раздумывала. Тогда руководство ФСИН любило говорить: «Мы полностью прозрачны, и мы совершенно открыты, смотрите, мы ничего не скрываем». Был такой период.

Из этой команды два человека сидят. Сидит [директор ФСИН Олег] Коршунов[2] — ну, это ладно.

Сидит, собственно, человек, который меня на работу

брал — Максименко[3] Валерий Александрович, он был заместителем директора тогда. У Максименко только суды начались по существу. И тоже к вопросу, почему я уехала: вот он когда уволился, ему дали гарантии, типа, ты не болтаешь, а мы тебя не трогаем. Но они все равно его посадили.

В последние годы, понятно, что вся вот эта вот гласность, открытость — это все оказалось забытым. И тем более что и тогда это были, в общем-то, только слова. ФСИН — это крайне закрытая система, непрозрачная.

Со временем стали выставляться другие приоритеты, все время мы строили потемкинские деревни. То мы говорим, что у нас в четвертом изоляторе какая-то великая библиотека будущего. А ее там нет. То мы почему-то говорим, что у нас «Бутырка» — цифровой изолятор. Я не знаю, в чем это заключается. То есть все время требовали каких-то вот этих грандиозных проектов, про которые можно на сайте что-нибудь повесить.

Фото: Анна Каретникова / Facebook

Или общественные наблюдательные комиссии. Какие члены ОНК остались в регионах? Вот,

насколько мне известно, была произведена глобальная зачистка с последним созывом. Я вижу это в Москве, и ведь Ева Михайловна [Меркачева-[4]] тоже уже не является членом Общественной наблюдательной комиссии. У нее просто сроки истекли, ее никто оттуда не выгонял. Но тем не менее, допустим, из Общественного совета при ФСИН убрали и меня, и Еву Михайловну. Это тоже, в общем, определенный знак. А кто есть в регионах? Мне тоже кажется, что если осталось там, то два-три человека.

Эти места заполнены функционерами, как минимум — людьми равнодушными, а как максимум — такими людьми, которые ходят и там пишут: «Жалоб нет, ни одной жалобы не поступило». Меня даже в Москве это поражало, они приходят в самый такой тяжелый наш четвертый изолятор, где сейчас сложная ситуация с медициной. Там все кричат: «Только, ради бога, сделайте что-нибудь». Но мы видим эти записи только в журнале: «Жалоб не поступало, обращений не поступало».

Все двигалось не в ту сторону, не в ту «Эру милосердия»[5], о которой мы мечтали, даже в понимании братьев Вайнеров, уже достаточно давно. Вот если когда меня брали на работу, эту должность вводили ведь специально под меня — ведущего аналитика московского, в других регионах нет такой должности. А после начала этой так называемой «специальной операции» ФСИН взяла курс на абсолютную непрозрачность.

После начала войны в Украине

Единственное, что меня тут удерживало, — это то, что я могу работать и приносить пользу людям, и поэтому необязательно спешить на митинг с плакатом, еще какие-то такие действия вдруг совершать. Но и я пыталась разговаривать с коллегами, и мы разговаривали, в том числе и о военных действиях. Как могла, я пыталась мягко убеждать, раскачивать, говорить.

Единомышленников у меня там не было, это сильно сказано, потому что все-таки это немножко другая среда. Но есть люди, которые недовольны происходящим по разным причинам: у кого-то погибли друзья на войне с российской стороны, кто-то считает, что скоро очень поднимутся цены, будет тяжело жить. А кто-то просто говорит, что это неприемлемо. Но при этом говорить можно почти со всеми.

С началом войны появилось много политзеков, и часть этих людей я вообще не знаю. Я знаю, что сидят Владимир Кара-Мурза[6], Илья Яшин[7], Леша Горинов[8], Миша Кригер[9]. А тут череда людей с околополитическими статьями — 205-ми , 282-ми статьями[10]. Я, например, не знала, что какой-то человек в феврале поджег свою машину на Пушкинской площади. Вот он сел. А потом приехали вот эти ребята, поэты, которые на «Маяковских чтениях»[11]... Кто-то один из них прочел политические стихи, другой — про любовь, а заехали все трое. И еще какие-то люди, которых я даже не знаю. Я иногда спрашивала, какая там фабула, они рассказывали: «А я написал там что-то в блоге, а я там лазал в чате». Вот их там настолько много, что,

действительно, если раньше я могла отслеживать, то теперь эти люди даже мне не знакомы, раньше это дела были считаные.

Плохого отношения к ним у сотрудников нет. Кому-то, наоборот, интересно, что за фигню уже сажают, сотрудники удивляются: и так в изоляторах перелимит, по-моему, на две тысячи человек больше народу, люди на полу спят. И сотрудники говорят: «Офигеть, вот только этих нам не хватало, которые в интернете что-то написали».

Про вербовку в «ЧВК Вагнера»: у нас же тут в основном подследственные, а вербуют осужденных. У подследственных следователь дело шил, оперативное сопровождение работало, прокурор обвинительное утверждал. И вдруг мы этих людей сажаем [на поезд], они куда-то уезжают, а [силовики] за ними по шпалам: «Стойте, а как же наши палки, наша отчетность?». На моей памяти один раз приезжали за конкретным осужденным из отряда хозяйственного обслуживания. Но это полковник, у него сирийский боевой опыт. За ним действительно приехал человек, но этот мужчина отказался, он, как бы, несогласен с обвинением и сказал: «Знаете, если я захочу воевать, то сначала восстановлю свое честное имя, а потом сам поеду, куда мне надо». И уехали эти вербовщики несолоно хлебавши.

Работа с сотрудниками ФСИН

Вообще я не ощущала враждебности, при том что было ощущение, что я элемент в определенной степени инородный и с бэкграундом совершенно другим. Ну, я сама человек довольно неконфликтный,

я упертая, но неконфликтная. Поэтому работали, смеялись, шутили. Стучали на меня редко, скорее, предупреждали о чем-то. Ну, нормально совершенно.

Я видела людей добрых, людей, которые отстаивали интересы заключенных. Это воспитатели, порой психологи. Да, это и режимники. Я не скажу, что там были какие-то борцы за правду, но там просто были люди со здравым смыслом и человеческим отношением к людям. И тогда они в пределах своих полномочий, да — и помогали, и отстаивали их права. Но там правозащитников нет, правозащитник — это я.

Но, например, если говорить о следственных изоляторах, надо отдавать себе отчет, что к нам, конечно, приходят не самые добрые, не самые эмпатичные, не самые умные и образованные люди на свете. Но если для того, чтобы там быть выводным пятой смены куда-нибудь в баню, ума особо не надо. Это для того, чтобы оперативной или воспитательной работой заниматься, все-таки желательно уметь соображать. Не самые лучшие у нас кадры, и большая проблема, что у сотрудников уголовно-исполнительной системы зарплаты куда ниже, чем в той же Росгвардии.

Фото: Анна Каретникова / Facebook

Наши сотрудники постоянно в депрессии, они все время говорят, что им недоплачивают, они ждут вот этой ранней пенсии. Процентов 70, наверное, просто

тупо не любят свою работу, поэтому мне с ними довольно тяжело было всегда.

Бывают люди просто злобные. Бывают люди, которые провоцируют следственно арестованных. Или из вредности своего характера, или не думая о последствиях, либо просто по собственной глупости. Бывают, к сожалению, люди, которые даже могут руки распускать. Не то чтобы всех избивать, но может пихнуть или в лобешник дать, такое тоже не исключено.

Что изменилось для арестантов за последние шесть лет

Это был один из самых плодотворных, наверное, периодов моей жизни. Вместе мы, по крайней мере в Москве, улучшили питание, улучшили медицину, мы пополнили библиотеки, мы ввели учетную дисциплину — фиксацию под роспись всех поданных заявлений в журналах учета и регистрации.

Из плохого: например, у начальников СИЗО отобрали правомочия по заверению доверенностей. Вот сидит дедок в тюрьме и хочет, чтобы его дочь за него там пенсию получала. Он ей больше не может оформить доверенность без нотариуса, а это стоит безумных денег. Да еще никому не понятно, как это делать. Думаю, это следователи пролоббировали. Следователь хочет полностью управлять человеком, которого он запер в изолятор: свидания, звонки, договоренности, все доверенности были с разрешения следователя, а сейчас эта процедура еще усложнилась. Сиди, а тебя за это время

лишат всего, потому что ты не можешь ни одной доверенности написать. У нас был дядька, он сидел шесть лет, кричал на нас криком и матом. Он не мог оформить доверенность, ему следователь запрещал. За шесть лет его бизнес растащили полностью.

Есть менее важные вещи, например, у осужденных из хозотряда почему-то отобрали часы. Осужденные имели право носить часы, просто чтобы ему сказал начальник: «Приди сюда в два часа». Часы включили в список запрещенных предметов, поэтому никто уже больше не может понять, куда и когда он должен прийти. Это никак не мотивированная абсурдность.

В карцере почему-то запретили библиотекой пользоваться, хоть это противоречит 103-му федеральному закону «О содержании под стражей». И много, много, много таких вот вещей, которые непонятно зачем. Запретили деревянные шахматы, написали, что все игры должны быть только картонные или пластиковые. Есть какие-то вещи, которые я даже не могу объяснить арестованным. Просто говорю: «Ну, ребят, извините, я не знаю, вот это надо принять, понять это невозможно».

Больных, которые содержатся в СИЗО, у которых нет медицинских полисов, перестали принимать в гражданских больницах, и мы много усилий приложили к тому, чтобы как-то эту ситуацию переломить, потому что у нас много иностранцев. Выходит, что они остаются, кроме экстренной, практически без медицинской помощи. Средств на их лечение ФСИН практически не выделяет, а если выделяет, то очень мало. То есть огромное количество

больных в такой ситуации останется без помощи, и их здоровье, и даже жизнь могут быть под сомнением.

Отношение к системе

Работа делилась на малые и большие дела. Помощь конкретным людям: они обратились к нам, мы им помогли, нашли их доверенности, нашли им врачей, вывели к этим врачам, еще чего-то сделали. Это вот такая рутина, которая в основном составляла посещение, когда за один приезд скольким-то десяткам людей ты помогаешь. Второе — вычленение каких-то системных проблем, которые не решаются в силу того, что у нас ужасно забюрократизированная система, и в ней много такого, что не позволяет решать совершенно элементарные проблемы. И вот это вычленение таких проблем и предложение путей решения взаимодействия служб. Руководитель прислушивался к моим докладам и аналитическим запискам, раньше — в большей степени, позже — в меньшей.

С Максименко, который меня брал на работу, мы очень спорили по поводу [Ильдара] Дадина[12], это не самый красивый эпизод. Может, не надо лучше его вспоминать, потому что все-таки сейчас судят человека. Но доходило дело до конфликта, мы с ним ссорились. Но, с другой стороны, тот же Максименко потом высказался — как я понимаю, с чего началось его карьерное падение — по поводу того, что начальник колонии, где кого-то головой в унитаз макали, стал начальником[13] оперативного управления ФСИН по Новосибирской области. Тот же Максименко сказал, что это позорище и

безобразие. Ну, как я понимаю, ему этого не простили. Поэтому темное, светлое — у нас в системе все говорят то, что они должны говорить. Вот я попробовала, даже мягко, говорить что-нибудь другое, и мне сказали, что у меня нехорошая перспектива, этого делать нельзя. С Максименко произошло так же.

Фото: Анна Каретникова / Facebook

У нас не было почти чудовищной жестокости, но вот что меня поражает иногда. Человеку не могут три месяца из одной камеры в другую просто перенести его вещи. Его перевели из больницы в другую камеру, и просто он три месяца не может получить свои вещи. Он пишет жалобы, обращается ко мне, в прокуратуру или еще куда-то. Казалось бы, по логике ему должны принести его вещи. Но система устроена не так. К нему приходит сначала воспитатель с бумагой, говорит: «Напиши здесь, что ты не имеешь претензий». Потом к нему приходит оперативник и говорит: «Так, вот, подпиши, что ты не имеешь претензий». Потом из управления приезжает еще кто-то там по правам человека, помощница генерала. Говорит: «Слушай, ты напиши, пожалуйста, что претензий не имеешь никаких». И коллега потом говорит: «Странно, что ни один из них за это время просто не привез его вещи». Вот в чем

главный парадокс системы. Это система отписок, она совершенно формальная: главное, что ты не имеешь претензий.

Огромное количество наших сотрудников садится. У нас стенды висят, что они предатели службы, приносили мобильные телефоны или наркотики. Не нитки, как я, не тетрадки с ручкой. Опять же, сотрудник постоянно в стрессе, под угрозой увольнения или посадки, у нас некомплект. Ты заступаешь на смену, а у тебя повесился, допустим, следственно арестованный. Скорее всего, против сотрудника будет возбуждено дело о халатности. Огромное число оперативников садится, что они творят, чудят. Денежку вымогают уже не в интересах службы, а в интересах кармана своего.

При этом обычно довольно быстро все решалось, нормальные, человеческие были отношения с большинством коллег. Я внутри системы была, у нас нет такого, чтобы голову морочить.

Болезни, насилие и смерть

У нас [в СИЗО Москвы] в прошлом году какой-то рекорд по смертям, по-моему, аж под 30 было. У нас как основная причина, кроме заболеваемости, — это суицид и передоз. В худшем, к сожалению, случае это убийство. Вот такие причины смерти.

Что случилось с бывшим директором «Роскосмоса» Владимиром Евдокимовым, я не очень знаю. У него был очень странный набор телесных повреждений[14].

, да. Как они выходили из этой ситуации, не знаю,

и почему оно не получило никаких последствий, никакого развития. Это было на спецблоке, а у меня нету допуска туда. Но, конечно, там было очень много вопросов. Почему его из камеры, где была видеокамера, накануне подняли в камеру, где отсутствовала видеокамера, и что произошло потом.

Обычно, если произошло убийство, приезжают оперативные группы, следователи. Там бич другой: вот если тебя избили, причем даже здорово, отбили селезенку, уголовное дело, как правило, не возбуждается. А даже если возбуждается, то ничем не заканчивается. И мы с Евой Михайловной пытались к этому привлекать внимание, ведь если на меня в вольной жизни на улице кто-то нападет, надает мне тумаков, у меня будут синяки, скорее всего, приедет милиция и попытается поймать негодяя. А в тюрьме ничего такого нет. Избили тебя и избили, ты чаще всего скажешь, что с кровати упал. Но даже если ты пишешь заявление: «Алле, меня избивали», скорее всего, ничего не произойдет. Я спрашивала разных начальников СИЗО, с которыми у меня доверительные отношения, это не нужно никому. Нам не нужно сор из избы выносить, ни милиционерам это не нужно, потому что это в тюрьме произошло. Избили, и ладно, сиди тихо.

Когда человек болеет, если мы видим, что умрет, если доктора чудесные видят, то они бы, скорее, попытались принять меры хотя бы для того, чтобы не испортить статистику. Но помимо того, что человека жалко, если у них он умрет, никто им спасибо не скажет и цветы не пришлет. Но есть выбивающаяся из всего этого история, где мы вопили, кричали: про Лоева Ева писала, в пятом изоляторе лежал, его

перекидывали из больницы в изоляторы, еще куда. Он и помер в результате. И почему так произошло? Я с начмедом говорила: «Ну, вы нормальные люди, как так могло получиться?». Отвечает: «А, ну да, вот умер что-то, да». Бывают сбои, к сожалению.

Польза и планы

Не думаю, что я обманулась, иллюзии, конечно, были, но мне уже много лет. Я примерно представляла себе систему, и карьеру я свою начинала секретарем суда когда-то в 16 лет, еще в детстве, после [обучения] криминалистике практиковалась как следователь и как опер, систему я знала. Поэтому я скорее благодарна, что они так долго меня терпели и дали мне возможность что-то делать и помочь огромному количеству людей, решить какие-то минимальные системные проблемы.

Система стала лучше мне понятна, и я лучше вижу ее дефекты, и я понимаю, как это можно преодолеть. Другое дело, что сейчас не то время, когда об этом имеет смысл говорить. Небо и земля — что в Москве и что в регионах, это такая моя боль, потому что здесь мы что-то контролировали, а там неконтролируемое поле. Совершенно какой-то свой мир абсурда по сравнению с нашим Зазеркальем.

Пока по-прежнему живу прошлым, мне сон сегодня снился: я на работу пришла и вдруг вспоминаю, что меня туда уже не пустят. Пришло время что-то менять, я работала в «Мемориале» по программе поддержки политзаключенных, а сейчас этих ребят становится все больше и больше, включая моих товарищей и даже друзей, которых я посещала

работая — так вышло. Поэтому, может быть, на этом направлении [что-то сделаю], может быть, еще одну книжку напишу. Не знаю, правда, кому, кроме тюрьмы, она интересна.

Редактор: Мария Климова

---

1. Управление собственной безопасности.
2. Коршунов был осужден на семь лет за мошенничество и на девять лет за растрату, сейчас он находится в СИЗО и ждет суда, хотя у него диагностировано заболевание, с которым людей нельзя держать под стражей.
3. Он был арестован за злоупотребление полномочиями, позже на Максименко завели дело о взятке.
4. Журналистка «Московского комсомольца» Меркачева в течение многих лет была одним из самых активных членов ОНК и регулярно рассказывала о проблемах во ФСИН.
5. Роман братьев Вайнеров, его известная экранизация — советский телесериал «Место встречи изменить нельзя».
6. Арестован в апреле, находится в СИЗО «Водник». Обвиняется в распространении «фейков» об армии, деятельности «нежелательной организации» и государственной измене.
7. Осужден на 8,5 лет за распространение «фейков» из-за стрима о Буче, этапирован в Удмуртию.
8. Осужден на семь лет за распространение «фейков» за то, что упомянул гибель украинских детей, этапирован во Владимирскую область.
9. С ноября находится в СИЗО «Бутырка», обвиняется в возбуждении ненависти к сотрудникам ФСБ и оправдании терроризма за слова о повешении Владимира Путина.
10. Терроризм и экстремизм.
11. Участников «Маяковских чтений» Артема Камардина, Егора Штовбу и Николая Дайнеко арестовали по обвинению в возбуждении ненависти к силовикам из ЛДНР. Камардин при задержании был избит и изнасилован.

12. Активиста пытали в ИК-7 в Сегеже. Бывший замдиректора ФСИН называл его «очень талантливым имитатором».
13. Сотрудник ГУ ФСИН по Красноярскому краю Сергей Слепцов окунал заключенного головой в унитаз, это попало на видео. После этого Слепцов получил повышение.
14. У Евдокимова было перерезано горло, а на груди нашли два ножевых ранения. О задержании подозреваемых не сообщалось.